

«Насмешка» в зеркале обыденного метаязыкового сознания

Одним из наиболее современных методов исследования этических норм речи является изучение так называемой «наивной этики». Данный метод основан на представлениях о двойственной роли языка в процессе познания объективной действительности. Будучи одновременно и средством фиксации знаний о мире, и самостоятельным объектом познания, язык отражает донаучные представления говорящих о различных правилах речевого поведения. Знания о языке составляют отдельный пласт языкового сознания и в исследованиях последних лет обозначаются терминами «метаязыковое сознание», «языковое самосознание», «металингвистическая рефлексия». Логика такого исследования оправдывается принципиальной непротиворечивостью научных и донаучных представлений об объекте, поскольку предметом исследования в данном случае выступает традиция речевого общения, так называемая коммуникативная норма, в ее узуальном рассмотрении. Результат речевого опыта хранится в сознании носителя языка, так же как и все прочие знания о мире, и отражается в языковых знаках.

Метаязыковое сознание проявляется как в узуальных, так и в неuzuальных формах. Под узуальными формами проявления метаязыкового сознания принято понимать фиксацию тех или иных явлений языка в лексических единицах нетерминологического характера, во фразеологии и паремиологии (см., например, научный сборник «Логический анализ языка. Языки этики»). Под неuzuальными формами понимаются суждения носителей языка о языковых или речевых фактах, рожденные в процессе метаязыковой рефлексии (Шварцкопф 1988; Ростова 2000). Описание структуры концепта «осмеяние», таким образом, требует использования нескольких приемов: анализ ЛЗ слова «шутка» и его синонимов, включая их синтагматические свойства и ассоциативно-семантический потенциал, описание этических норм речевого поведения, зафиксированных в пословицах, поговорках, фразеологическом фонде языка, и исследование свойств контекстов, оцененных реципиентами как некорректные, недопустимые высказывания.

I. Отличие насмешки от смежных речевых актов находит отражение в синонимическом ряду «шутка – подтрунивание – ирония – насмешка». Данные толковых словарей показывают, что в русской речи существуют четыре модели речевого поведения, окрашенного игровой модальностью:

Подшучивать, подтрунивать, прикалываться словари выделяют семы «шутить», «над кем-нибудь», «весело и забавно».

Насмехаться – «высмеивать», «кого-либо», «зло, обидно и оскорбительно», эта лексема, по данным словарей, синонимична глаголу «издеваться».

Иронизировать – «шутить», «над кем-нибудь», «зло и оскорбительно», «тонко, скрытно». То есть, в сравнении с предыдущими данное речевое действие сохраняет инвективную функцию, однако отличается специфической формой. При определении иронии составители словарей считают важным косвенный характер выражения критической оценки.

Высмеивать – насмешкой выразить отрицательное отношение.

Глагол *шутить* является доминантой данного синонимического ряда, поскольку, по данным Словаря русского языка (под ред. А.П. Евгеньевой), *шутить* включает все перечисленные значения.

Очевидно, одним из главных параметров, разграничивающих оттенки значения синонимов, является сема «предмет осмеяния». Она противопоставляет глаголы *шутить* и *прикалываться*, иллюстрирующие балагурное начало смеха, остальным членам синонимического ряда. Глаголы *подшучивать*, *высмеивать* и *иронизировать* предполагают двух участников, причем у *иронизировать* субъект и объект воздействия могут выступать в одном лице (контекст *иронизировать над собой* является нормативным). Глагол *насмехаться* также является двухсубъектным, однако, в отличие от синонимов, имеет особенности лексической сочетаемости. Прежде всего знаменательным кажется отсутствие в языке контекстов употребления глагола «насмехаться» с субъектом, выраженным местоимением первого лица. Так, допустимыми являются контексты *он насмехается над ним (над тобой, надо мной)*, *Ты насмехаешься надо мной (над ним)* (последние два контекста чаще встречаются с вопросительной интонацией). Но контекст *я насмехаюсь над ним (над вами)* является аномальным. Это объясняется тем, что глагол *насмехаться* характеризует не столько замысел, сколько коммуникативный эффект и употребляется в зависимости от реакции объекта высмеивания. Если высказывание приносит моральное страдание собеседнику, вне зависимости от речевого намерения говорящего, то оно оценивается как насмешка. И напротив, если оно воспринимается безболезненно, то его можно отнести к разряду допустимых шуток. Таким образом, точкой отсчета на шкале коммуникативной оценки осмеяния является эмоциональное состояние объекта речи.

Подтверждением сказанному являются особенности лексической сочетаемости членов синонимического ряда. Контексты *насмехаться над его длинным носом*, *подтрунивать над длинным носом*, *иронизировать по поводу длинного носа* являются вполне нормативными. Однако высказывание *насмехаться над уродством* не допускает аналогичных преобразований: нельзя сказать **подтрунивать над уродством*, **иронизировать насчет уродства*. Трансформация контекстов возможна лишь в том случае, когда референтная ситуация допускает вариативность эмоциональной реакции со стороны субъекта.

С другой стороны глагол *насмехаться* может быть употреблен в сочетании только с теми лексемами, которые обозначают некий существенный и неустранимый аномальный признак: *насмехаться над уродством*, *насмехаться над немощью*, *насмехаться над бедностью*,

насмехаться над глупостью. Но маловероятно **насмехаться над маленькой зарплатой, *насмехаться над двойкой, *насмехаться над подгоревшими котлетами*. Глобальные отклонения от нормы всегда являются причиной глубоких переживаний, поэтому на их осмеяние налагается моральный запрет. В наивной этике он формулируется в поговорках *грешно смеяться над чужой бедой; дорожке рубля не шути; шутку шутил: мужа с женой смутил; шутили шутку – сняли с Варвары шубку!* и пр. Этот запрет отражается и в синтагматических свойствах членов синонимического ряда «осмеяние». Насмешка в этом ряду называется такой речевой актом, который является грубым нарушением норм речевой этики.

Аналогичным образом аномален контекст *я насмехаюсь над самим собой*, поскольку критическое отношение к себе не вызывает бурной аффективной реакции.

Глагол *высмеивать* также избирательно относится к предмету шутки. Высмеивание способствует выражению отрицательного отношения к факту или личности *высмеивать глупость, высмеивать пошлость, высмеивать жестокость, высмеивать скудость*. Но нельзя сказать **высмеивать болезнь, *высмеивать немощь*. Высмеиванию следует подвергать только общественно порицаемые качества. Неслучайно поэтому в структуре значения глагола «высмеивать» отсутствует семантический компонент «оскорблять, унижать», но проявляется значение, соответствующее глаголу «позорить». Это еще раз подтверждает, что глагол *высмеивать* выражает негативную оценку говорящего, в то время как семантику глагола *насмехаться* определяет оценка с точки зрения воспринимающего.

Члены синонимической группы «осмеяние» различаются также по типу коммуникативного воздействия на объект осмеяния. Глаголы *иронизировать, подшучивать, потешаться* аксиологически амбивалентны, поскольку способны образовать нормативное словосочетание с лексемами противоположной модальности: *Издевательски иронизировать над выражением «дружба народов» Советского Союза стало сейчас дежурным номером наших скоморохов от журналистики*. [Корпус¹, 2004] *Такой вот двойной стандарт: официально объявлять мздоимство чуть ли не национальным бедствием и тут же по поводу этого добродушно иронизировать*. [Ю.Феофанов. Корпус. 2003]

Он мог смеяться, иронизировать, издеваться, добродушно подшучивать и с другой стороны торжественно воспевать, стилизовать под любую эпоху — от Древней Греции и Вавилона до двадцать первого века, от старинной Сарабанды до современного блюза. [А. Журбин. Корпус. 1999] *Вот вам благие результаты новой формулы человеческих отношений, над которой принято столь язвительно подшучивать в среде русских эмигрантов, думал Святослав Николаевич*. [В. Аксенов. Корпус 1996]

Кто Вам позволил так зло потешаться над нашим народом! [Корпус 1997] *Отец мой смеялся или, лучше сказать, потешался добродушнейшим*

---

¹ Здесь и далее – «Национальный корпус русского языка».

образом над всяким чувством, любил натравливать на чувство всякого, в ком он подмечал какую-либо впечатлительность, я в моем наставнике имел для себя субъект, неоцененный по этой части, влюбляя его каждый месяц и разъяря его ежедневно. [А. Григорьев. Корпус 1862]

Для слова *высмеивать* семы «пренебрежительно, зло» являются доминирующими. Еще более значимо негативная модальная оценка представлена в семантике глагола *насмехаться*: *Упаси бог, я не требую подробностей, не собираюсь насмехаться над чужими горестями, к злорадству вообще не склонен.* [А. Слаповский. Корпус. 1994] *Этой чисто купеческой привычкой насмехаться и глумиться над беззащитными некоторые половые умело пользовались.* [В. Гиляровский. Корпус. 1934] *Позволить, хотя бы в романе, кому-либо так едко насмехаться над своей святыней — значит сделать первый шаг к ее отрицанию.* [Л. Шестов. Корпус. 1903] *Дина начала кусать пальцы и вспомнила своего Гришу, за которым она была, как за каменной стеной, а теперь любой встречный-поперечный может оскорблять ее и насмехаться.* [А. Львов. Корпус. 1981]

Однако в отличие от глагола *высмеивать* значение лексемы *насмехаться* толкуется через отсылку к лексемам *издеваться, унижать, оскорблять*, что позволяет сделать следующий вывод: не всякое высмеивание является порицаемым действием, с нормализаторской точки зрения за гранью дозволенного находится только насмешка. Данный аспект значения находит свое подтверждение и в контекстах из паремиологического фонда русского языка. В словарях пословиц и поговорок встречаются выражения, соответствующие рекомендациям ограничительного характера (*шутка в добро не введет, смех до плача доводит, шути да оглядывайся, нет лучше шутки, чем над собою*), а также прогнозирующие использование данного речевого приема в качестве контрудара в коммуникативной дуэли (*над людьми шутки шутить – и над собой их любить; всякий шут на себя шутку шутит; шутил волк с жеребцом, да зубы в горсти унес*). Наличие подобных выражений также наводит на мысль о двойственной оценке нормативности данного речевого акта: в целом насмешка является недопустимой формой общения, однако она может быть использована как прием коммуникативной защиты.

Таким образом, семантика глаголов «высмеивать» и «насмехаться» различается по принципу «коммуникативное намерение – коммуникативный эффект», иллюстрируя тем самым главную причину речевых конфликтов, возникающих на почве шуток. Осмеяние по природе есть конфликтное речевое действие, в нем изначально заложено противоречие интересов говорящего и слушающего. Подшутить над кем-то значит так или иначе деформировать образ оппонента, то есть достичь целей за его счет. Воплощение иллюкутивной установки и перлокутивного эффекта речевого акта в семантике разных лексем означает принципиальную возможность придания статуса насмешки тексту с любой коммуникативной установкой и, следовательно, признания его ненормативности с коммуникативно-этических позиций.

II. Для исследования метаязыкового сознания в неузуальных формах был проведен пилотажный опрос носителей языка – нефилологов, лиц разного пола, имеющих незаконченное высшее образование, с целью определить их представления о нормах осмеяния в русском языке. Испытуемым было предложено ответить на вопрос, что такое «насмешка».

Данные опроса показывают, что насмешка отражается в языковом сознании как прототипический речевой акт, поскольку обнаруживает свою специфику и на уровне содержания, и на уровне формы, и на уровне функционирования высказывания. Главной характеристикой семантической стороны насмешки опрашиваемые называют резко негативную оценку (50 %) личных качеств человека (74%). При этом наиболее «уязвимыми» качествами считаются интеллект (в самом широком смысле, включая образованность, профессиональную пригодность и т.п.) (64%), основную форму его проявления – речь, манеру говорить (38%) и степень социализированности личности (владение общественными нормами поведения) (22%). Данные результаты становятся более наглядными в сопоставлении с исследованиями речевого этикета в других языках. Так, в ливанском этикете также существует иерархия словесных оскорблений. Однако, в отличие от русской, относительно слабыми считаются те из них, которые связаны с индивидуальными физическими или умственными недостатками которые делаются намеком, прямо или персонифицировано (в виде животного). «Такой выпад можно иногда пропустить мимо ушей или свести к шутке без ущерба для личного достоинства. Серьезнее оскорбления, связанные с индивидуальными моральными недостатками и пороками, но куда обиднее высказывания, затрагивающие честь семейно-родственного коллектива (отца, матери, сестры, брата...) Наконец, самыми тяжелыми, требующими резкой немедленной реакции, считаются оскорбления, направленные против профессиональной принадлежности эго» [Родионов 1988: 90]. «Наиболее оскорбительные инвективы у чукчей и эскимосов в буквальном переводе означают что-то вроде «Ты – неумеха!» [Жельвис 1975: 298].

Однако испытуемые осознают, что конечного набора запретных тем для шуток не существует, поскольку степень значимости того или иного качества личности зависит от концептуальной системы лица - объекта насмешек. Об этом свидетельствуют неопределенные формулировки: «насмешка затрагивает *что-то* важное», «*что-то* глубоко личное» и под. (54%). Шутки превращаются в насмешку в том случае, когда осмеянию подвергаются явления, представляющие для участника коммуникации большую ценность. Психологическим субстратом оскорбления являются убеждения – наиболее стабильные оценочные компоненты картины мира человека. Ср.: «Развитие аффекта – самое сильное из условий, являющихся препятствием для комизма... Комическое чувство возникает легче всего в полуиндифферентных случаях, в которых не участвуют сильное чувство или заинтересованность» [5, с. 222]. Данная мысль зафиксирована и в

паремиологическом фонде языка: пословицы *Дороже рубля не шути; Не шути с правдой; Не шути с чертом – из дубины выпалит* свидетельствуют о существовании ограничений на данный вид речевого поведения, однако не ставят их в зависимость от конкретного содержания высказываний.

Важной чертой насмешки является пошлость, скабрзность высказывания, нарушающая этические нормы общения (24%). На периферии поля проявляется признак истинности/ ложности высказывания: по мнению 5% опрошенных ложность утверждения о личности повышает степень инвективности высказывания, а 2% испытуемых полагают, что высказывание может быть оценено как насмешка именно тогда, когда оно правдиво («когда в нем много неприятной правды»).

Особый способ оформления насмешки был отмечен 30% опрошенных. Большинство из них выделило «язвительную форму» данного высказывания. Думается, что данная формулировка не подразумевает какой-то отдельный речевой прием, а отражает общую реакцию инвектумов на процесс осмеяния: высмеивание «уязвляет», повергает в состояние душевного дискомфорта. Зачастую насмешка – не более мягкая, как принято считать, а более жесткая форма оскорбления.

Кот Матроскин (пишет): «Шарик, ты балбес!»

Почтальон Печкин: Неправильно это. Если бланк поздравительный, тогда нужно сначала поздравить.

Матроскин: «Поздравляю тебя, Шарик, ты балбес».

(Э. Успенский)

Если отвлечься от игрового компонента диалога, обусловленного недостижением коммуникативного задания («поздравление»), то следует признать, что инвективность последней фразы гораздо более высока. Герой принижает собеседника дважды: во-первых, давая низкую оценку его интеллекту посредством грубой просторечной лексемы, а во-вторых, выражая путем осмеяния свое превосходство над ним. Возможность выражения пренебрежения (или даже презрения) посредством осмеяния основывается на редуцирующей функции смеха: высмеивание умаляет значимость, делает важное ничтожным, страшное безобидным, содержательное бессмысленным.

Среди конкретных речевых приемов, характеризующих насмешку, были названы косвенная форма высказывания (25 %), подчеркнутая вежливость, а также особое интонационное выделение некоторых смысловых элементов контекста. На периферии концепта находится прием нагнетания, неоднократного повторения шуток над одним и тем же лицом: 8 % опрошенных считают его фактором, повышающим инвективность высказывания («пошутил раз, другой, но может быть, и хватит уже!»)

Прагматический компонент насмешки в метаязыковом сознании определяется в равной степени как целью высказывания, так и характером отношений между участниками коммуникативного акта. Цель насмешки – понижение статуса собеседника – отмечается большинством респондентов (65 %), перлокутивный эффект высказывания – чувство обиды,

оскорбленности («*принижает достоинства личности*», «*издевка*», «*цинизм*») – 82%.

Образ автора насмешки имеет следующие признаки. Он эгоцентричен (20%) («говорящий забывает о человеке, над которым шутит, его мнение выше человеческого отношения к личности», «пользуется свободой слова»), не особенно заботится о достоверности излагаемых сведений (14%) («намекают на то, что точно о человеке не известно», «думает, что выражает мнение всего народа»). Но главное, насмешник четко осознает свои цели, его попытка оскорбить, обидеть является преднамеренной (32%).

Образ адресата играет более важную роль в структуре описываемого концепта. Во-первых, в акте насмешки он должен быть конкретно обозначен (43%). Во-вторых, адресат в большей степени, нежели автор, предопределяет тип перлокутивного эффекта речи (51%), поскольку исход коммуникации зависит от того, понимает ли слушающий юмор и как он относится к тем своим качествам, которые подвергаются осмеянию. Наконец, итог речевого взаимодействия зависит от типа межличностных отношений, степени близости между говорящим и адресатом (8%). Основная сфера бытования шутки – неофициальное общение, которое в свою очередь, осуществляется на уровне микроколлективов (в семье, кругу близких друзей, соседей, коллег по работе). Особенностью такого общения является самостоятельный отбор коммуникативных правил говорящими. Каждый микроколлектив, общающийся в неофициальном регистре, с нормализаторской точки зрения представляет собой уникальную систему. И оценка шутки, таким образом, напрямую зависит от аксиологических приоритетов этой микросистемы.

Осмеяние относится к тем типам высказываний, нормативная оценка которых значительно колеблется в зависимости от условий коммуникации, главным образом, – от существования третьего лица, свидетеля насмешки (30 %) («человек чувствует себя неудобно перед *окружающими*», «этому человеку будет не смешно, а вот *другим* очень весело», «сказанное в *публичной обстановке* повышает оскорбительный тон», «говорящий *выставляет* героя в негативном свете»). Публичность высмеивания налагает значительные ограничения на использование шуток. Грубоватая фамильярность, вызывающая в межличностном общении недоумение, будучи выставлена напоказ, превращается в оскорбление. Более того, предварительные исследования показывают, что публичное осмеяние воспринимается более остро, нежели другие виды публичной негативной оценки.

III. Проведенное выше исследование позволяет утверждать, что инвективный потенциал осмеяния в общем предсказуем. Существует три критерия, повышающих степень его инвективности: непристойный смысл шутки, тематика высказывания (об интеллекте, речи, степени социализированности адресата), а также участие в коммуникативном акте третьих лиц. На основании этих признаков высмеивания формируются социокультурные ограничения, налагаемые на данный тип высказываний.

Для подтверждения данных положений испытуемым было предложено оценить ряд контекстов по степени инвективности, выделив среди них те высказывания, которые не могут быть употреблены в качестве изобразительно-выразительного средства, так как являются оскорбительными для объекта речи. Материал исследования включал 22 контекста, в числе которых имелись и построенные с использованием приема осмеяния.

Однозначно недопустимыми были признаны следующие два контекста: «*Лужков говорит, что я ущемил ему достоинство. Не помню*» [Цена слова, 2002, с. 108]. – В данном случае главным приемом, моделирующим инвективу, является каламбур, порожденный сочетанием выражений «ущемить грыву» и «умалить/унизить достоинство». Игра слов в косвенной форме выражает содержание непристойного характера, направленное на персонаж.

«*Предчувствую, за Лужковым станут охотиться правоохранительные органы. Его объявят в розыск в Интерпол. ...Я лично бегу из страны вместе с Лужковым. ...Я придумал, мы переоденем Лужкова мужчиной*» [Цена слова, 2002, с. 108]. Непристойный смысл, являющийся импликацией высказывания «мы переоденем Лужкова мужчиной», даже выраженный в форме намека, стал причиной того, что контекст был признан оскорбительным для объекта речи.

В список запрещенных приемов попали также те контексты, смысл которых сводится к констатации осуждаемого социального поведения. Например, контекст «*...обещания алтайского законодателя серьезно изменить Земельный кодекс сравнимы с попыткой попа, хорошенько поддавшего на Пасху, пройтись вдоль села с гармошкой*» [Цена слова, 2002, с. 183] был назван недопустимым 63 % опрошенных. Данный образ соотносим с такими однозначно инвективными лексемами, как «пьяница», «паяц».

Высказывание «*Как же! Мы еще не сказали всех слов проклятий, не до конца вылизали башмаки у несчастных жертв (ГУЛАГа – С.Д.)*» было отмечено 57% испытуемых. Инвективное содержание данного высказывания определяется несколькими факторами. Во-первых, оскорбительное звучание тексту придает содержание высказывания. Просторечный фразеологизм «*вылизывать башмаки*» толкуется словарями как «*подлизываться, угодничать, унижаться, пресмыкаться*» [Молотков, 1986; Елистратов, 2000]. Фраза «*Как же!*» маркирует стратегию чтения мыслей и таким образом представляет следующее за ней высказывание как мнение третьих лиц, «несчастных жертв ГУЛАГа». Следовательно, смысл высказывания следует интерпретировать как «жертвы сталинских репрессий хотят, чтобы перед ними угодничали, унижались, пресмыкались». Такая позиция персонажей публикации является социально осуждаемой, более того, она приписывается той социальной группе, в отношении которой критическое замечание кажется необоснованным. Трагический ореол, существующий вокруг жертв политических режимов, делает иронию неуместной.

Вместе с тем среди контекстов, представленных испытуемым, встречались и такие, которые не были отмечены как недопустимые. В их числе следующий: *«Кириллу Васильеву АШК «перепала» в качестве подарка ко дню рождения, чтобы тот поупражнялся в менеджменте... Ну, поупражнялся младшенький, поиграл в крутого промышленника, а дальше трава не расти»*. Пренебрежительную оценку персонажа создает негативный образ, сравнение предпринимателя с ребенком, для которого промышленное предприятие – лишь игрушка. Однако, по всей видимости, данное замечание не является резким нарушением этической нормы коммуникации, что, в свою очередь, делает высказывание допустимым. Ср. также: *«Юбилейная ярмарка «Строительство. Благоустройство. Интерьер» стала мероприятием, покорившим сердца даже самых отъявленных скептиков. Поверьте, мы нисколько не шутим! Были, конечно, и такие упрямы, кто замечал, что у генерального директора ЗАО «Алтайская ярмарка» под рубаишку пододета майка, но при этом не видел недюжинного ума руководителя выставочного общества, пользующегося славой на всю Россию»*. В данном контексте клятвенные заверения в серьезности сказанного, представляющие собой фигуру иронии, соотносимы с прямо выраженными оценками «ярмарка была организована из рук вон плохо». Высказывание не было отмечено как резкое и недопустимое.

Таким образом, главным ограничением на употребление приемов осмеяния является система этических норм, распространяемых на речевые действия. Действие данной нормы экспериментально подмечено и другими исследователями. Согласно этим наблюдениям этические нормы для рядовых носителей языка оказываются более значимыми, чем функционально-стилистические, поскольку даже лексика нейтрального регистра, выражающая резко негативное содержание, оценивается рядовыми носителями языка как ненормативная: «Если слово обозначает что-то плохое, неприятное, осуждаемое с моральной точки зрения, некоторыми испытуемыми ему приписывается разговорность либо ненормативность» [Стернин, 2005].

Экспериментальное исследование контекстов позволяет также выявить избирательность этических норм по отношению к речевой ситуации: действие ограничений на высмеивание проявляется опосредованно, согласно своеобразному принципу «мотивированности» речевой агрессии. Так, в ходе исследования испытуемым был предложен контекст из газеты «Аргументы факты», рубрики с игровым названием «ЖПС (жизнеспособность политических субъектов)»:

Высказывание политика: «Два еврея схватились. Вся страна будет наблюдать этот балаган».

Реакция журналиста: «Слава богу, наш златоуст опять заговорил, а мы уж и не чаяли».

Участникам эксперимента в двух разных аудиториях было предложено оценить оскорбительность реплики журналиста. При этом имя политика (объектом осмеяния выступал В.С. Черномырдин) было сообщено только

одной из групп. Результаты опроса существенно разошлись. Не зная, о ком идет речь, абсолютное большинство испытуемых сочло выказывание резким и грубым. В другой аудитории знание об адресате речи сыграло оправдательную роль: выпад журналиста был воспринят как «мотивированный». В.С. Черномырдин – отрицательный персонаж российской политической сцены, его речь является частым объектом пародии, поэтому оскорблением шутку сочли лишь 27% реципиентов.

Заметим, что даже шутки, содержащие непристойный подтекст, получают в эксперименте неоднозначную интерпретацию.

1. *Высказывание политика: «Политиками мы становимся по нужде» (М. Маймиев).*

Реакция журналиста: «Причем большинство, видимо, становится по большой нужде, нередко переходящей в словесный понос».

2. *Высказывание политика: «Моя мать говорила мне: «Иди работать на завод». А я не послушался мою мать» (В.В. Жириновский).*

Реакция журналиста: «И зачем Вы не послушались... Вашу мать...»

Контекст 1 был оценен реципиентами как оскорбление, а контекст 2 – нет. То, что совершенно недопустимо по отношению к рядовому члену социума, можно свободно говорить в адрес одиозной политической фигуры.

Думается, что для адекватного описания явления инвективности понятие «мотивированность агрессии» должно быть разработано более подробно. Оно позволит развести преднамеренное оскорбление и аффективную реакцию на событие, имеющие одинаковую форму реализации. Коммуникативные и, в частности, этические нормы более гибки и вариативны, нежели языковые. Поэтому и нарушение требования коммуникативной толерантности в случаях, когда эмоциональная разрядка психологически обоснованна (или даже необходима), с позиции речевых норм представляется оправданным. Один из таких случаев – смеяться над тем, над кем смеются все, – проиллюстрирован выше.

Таким образом, насмешка – разновидность инвективы, речевой акт, вызывающий резкое снижение статуса собеседника, дающий негативную оценку его личным качествам путем их осмеяния и вызывающий таким образом чувство обиды, оскорбленности.

Высмеивание представляет собой речевой прием с высоким потенциалом воздействия. Сочетание игрового регистра с пейоративной оценкой любой эмоциональной силы может возбудить негативную ответную реакцию. Однако нарушение эмоционального равновесия объекта осмеяния не обязательно влечет за собой коммуникативную норму запретительного характера, иначе в языке вообще были бы невозможны критические высказывания. Осмеяние регламентируется системой этических норм, существующих в данном социуме. Она действует прежде всего в сфере общения, требующей соблюдения социальной дистанции и, следовательно, коммуникативной толерантности. Насмешка представляет собой случай нарушения данных норм.

За пределами данного исследования остается проблема функционирования приемов высмеивания в разных социальных группах. По предварительным наблюдениям восприятие осмеяния одинаково среди представителей разных типов речевой культуры. В то же время употребление высмеивания как инвективного средства встречается чаще в речи представителей «высших» культурно-речевых уровней. В конфликтной ситуации речевые предпочтения носителей разговорных и маргинальных типов лежат в сфере инвективной лексики.

В конечном счете, задача описания насмешки как феномена речи требует построения гибкой модели, в которой оценка нормативности имела бы вероятностный характер. Исследование метаязыкового сознания задает при этом наиболее стабильные параметры, вокруг которых организуется поле вариативности.

Литература:

1. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. М., 1993.
2. Аникин В. Русские пословицы и поговорки. М., 1988.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1 – 4. М., 1999.
4. Доронина С.В. Нормативная оценка шутки как фактор формирования чувства языка// Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты. Ч.1. Барнаул, 2002. С. 18 – 27.
5. Доронина С.В. Нормативная интерпретация приемов высмеивания в свете статистических данных// Юрислингвистика-6. –Барнаул: АлтГУ, 2005.С. 21 – 31.
6. Жельвис В.И. Инвектива: опыт тематической и функциональной классификации// Этнические стереотипы поведения. Л., 1975.
7. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. М., 1998.
8. Ожегов С.И. Шведова Н.Ю. Словарь русского языка. М., 1996.
9. Логический анализ языка. Языки этики. М., 2003.
10. Михельсон М.И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. М., 1997.
11. Национальный корпус русского языка [электронный ресурс]/ www.ruscorg.ru
12. Родионов М.А. Характерные черты этикета у ливанцев// Этикет у народов Передней Азии. М., Наука, 1988. С. 81 – 101.
13. Ростова А.Н. Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания. Томск, 2000.
14. Словарь русского языка. В 4-х т. М., 1985.
15. Стернин И.А. Функциональный компонент значения слова в языковом сознании [электронный ресурс]/ <http://www.rusexpert.ru/magazine/038.htm>
16. Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному. Спб., 1997.

17. Цена слова. М., 2002.
18. Шварцкопф Б.С. Оценки речи как объект лексикографирования//
Словарные категории. М., 1988.